Русский со словарём Ломоносова: к 300-летию учёного вышел первый том уникального издания

11.12.2025

***«Да будет благословен Ломоносов, благодаря которому иностранная перпендикула сделалась маятником, из абриса стал чертеж, из оксигениума — кислород, из гидрогениума — водород, а бергверк превратился в рудник»*. Эти слова Корнея Чуковского сегодня звучат как никогда актуально, потому что Институт лингвистических исследований Российской академии наук выпустил в свет первый том «Словаря языка М. В. Ломоносова». Его появление — долгожданное событие в научной жизни Петербурга и вообще в языкознании. Словарь нашего знаменитого ученого наконец-то прояснит, какой все-таки вклад внес Михаил Васильевич в развитие русского языка и словесной культуры, а также развеет некоторые мифы о его жизни и творчестве. Руководит работой по созданию словаря ведущий научный сотрудник Сергей Святославович ВОЛКОВ.**

Бюст Ломоносова, который можно увидеть в Камероновой галерее Царского Села, создал Федот Шубин, лично знакомый с Михаилом Васильевичем./ФОТО предоставлено пресс-службой ГМЗ «Царское Село»

— Сергей Святославович, а действительно — что такого особенного сотворил с русским языком Ломоносов, кроме изобретательного обрусения многих иностранных

слов?

— Гениальная идея Ломоносова заключалась в синтезе современного ему живого русского языка и церковнославянского — языка высокой культуры, семантической и духовной наполненности. Он вполне справедливо считал, что русский язык «имеет природное изобилие, красоту и силу» и тем самым ни одному европейскому языку не уступает.

— Значит, можно сказать, что он создатель нашего языка? Вроде бы считалось, что Пушкин. Или просто каждый гений, создавая свой язык, развивает и общенародный?

— В формировании нашего языка как общенародного роль Ломоносова, безусловно, огромна. Тем более что именно он написал первую нормативную грамматику русского языка, которую, между прочим, в лицее изучал Пушкин. Пусть кое-что из нее устарело, но тем не менее законы употребления грамматических форм ввел Ломоносов и представил примерами из своих собственных произведений в стихах и прозе. Это видно из нашего словаря. Его каждый может найти на сайте нашего института.

— Найти и удивиться — какой же он громадный.

— Да, мы сделали целиком пока только букву А — и уже получилось 900 страниц и 549 слов.

— А сколько всего будет слов, вы уже знаете?

— Мы взяли в работу 470 текстов Ломоносова из полного собрания сочинений, и, по нашим очень приблизительным подсчетам, в словаре будет примерно 35 – 40 тысяч слов. Довольно много. Поменьше, конечно, чем у Пушкина.

— Словарь языка Пушкина давно уже на слуху, а про какие-нибудь другие что-то не слышно.

— Словарей выдающихся людей действительно мало, к большому сожалению. Да, есть очень авторитетный словарь языка Пушкина, подготовленный в 50-е годы прошлого века в Москве, в Институте русского языка. Академик Виктор Васильевич Виноградов был его главным редактором, вместе с ним работала, в частности, доктор филологических наук Ирина Сергеевна Ильинская, матушка Олега Басилашвили. А уже в XXI веке появились словари Есенина и Грибоедова. Выходит очень интересный «Словарь языка русской поэзии XX века». Галиной Ивановной Шипулиной в Баку подготовлен очень неплохой словарь поэтического языка Лермонтова.

— А как Петербург посетила идея создать словарь языка Ломоносова?

— Эта идея достаточно старая, она была высказана на специальном заседании Академии наук еще в середине XIX века, когда отмечалась печальная дата — 100 лет со дня кончины Михаила Васильевича. Но у этого словаря, я бы сказал, горькая судьба. Сначала им увлекся академик Петр Спиридонович Билярский, очень талантливый петербургский ученый, но, к сожалению, он тяжело заболел и скончался молодым. А перед Первой мировой войной Иван Михайлович Белоруссов, учитель русского языка и словесности, вышел на пенсию и по заданию академика Шахматова начал работать над словарем Ломоносова. Но случилась война, потом революция, он оказался в Крыму, и с того момента следы его теряются. Так что идея эта витала в воздухе, но так никому и не удалось довести ее до конца.

— И все-таки она материализовалась — и не где-нибудь, а в вашем институте.

— Случай многое значит в нашей жизни. Я хорошо помню тот декабрьский вечер 1993 года, когда я работал в отделе словаря XVIII века в главном здании Академии наук, и к нам зашел Энгель Петрович Карпеев, тогдашний директор Музея Ломоносова в Кунсткамере. Тогда он увлеченно работал над текстом энциклопедии «Ломоносов» и ему нужно было что-то у нас посмотреть или уточнить, но мы разговорились, и он сказал: «А почему бы нам не сделать словарь языка Ломоносова?». Вот с этого момента дело и пошло. Поначалу было много споров и обсуждений, в них принимал активное участие академик Николай Николаевич Казанский, научный руководитель нашего института, он многое нам подсказал и многое посоветовал по-дружески, мы ему очень благодарны. Надо сказать, что мы не сразу приступили к словарю, сначала сделали «Минералогию» к 300-летию со дня рождения Ломоносова. Красивое такое издание получилось и очень содержательное, всем понравилось.

— Ломоносов особенно увлекался минералами?

— Когда-то в Кунсткамере, в которой, собственно, и размещалась Петербургская академия наук, хранилась коллекция драгоценных камней и минералов. И вот однажды Шумахер, руководитель академической канцелярии, решил подготовить ее опись и презентовать Елизавете Петровне. Поручил это разным академикам. И как-то раз шел там по коридору — а навстречу ему здоровенный детина. Выяснилось, что это Ломоносов приехал из Германии. Шумахер быстренько посадил его за работу с камнями и минералами, и Михаил Васильевич составил примерно треть их описи. Сохранились образцы, которые он держал в руках. Правда, после революции коллекция переехала в Москву, в Музей минералогии.

— Как Ломоносов попал в Академию наук, а потом еще и в Германию?

— В академии тогда не было студентов. Ну или было очень мало. А где их взять? И в 1736 году нашли решение вместе с церковью — из Славяно-греко-латинской академии, которая находилась в Москве на территории Никольского монастыря недалеко от Кремля, прислали двенадцать способных студентов старших классов. Они-то потом и создали российскую науку XVIII века. Среди них был изобретатель русского фарфора Дмитрий Виноградов, переводчик Иван Голубцов, астроном Никита Попов и Михаил Ломоносов. В их распоряжении оказалась совершенно замечательная библиотека академии со всеми научными новинками того времени, с ними целый год занимался Василий Евдокимович Адодуров, один из первых наших адъюнктов академии, математик, филолог, переводчик, разносторонне образованный человек. Потом лучших из них послали на стажировку в Германию. За счет государства, конечно.

У Ломоносова была великолепная память, он быстро осваивал языки: прекрасно знал латинский, греческий, немецкий. Жена у него была немка, и дома он говорил по-немецки, а на заседаниях в академии принято было общаться на латинском.

— С его подачи в русский язык действительно проникло множество иностранных терминов?

— Конечно, он их использовал. Русский язык тех времен еще не выработал достаточно средств, чтобы передавать научные знания, ведь до начала XVIII века в России практически не существовало научной литературы. А потом как вспышка — начали переводить научные статьи. Но Ломоносов был талантливейший переводчик — многие иностранные термины он искусно адаптировал под русский язык, и в этом его великая заслуга. Даже слово «давление», которое каждый день звучит в прогнозе погоды, — один из терминов, которые ввел Ломоносов, в данном случае как перевод из немецкого языка. А если взять термины его риторики, то примерно по 25 % слов он заимствовал из латинского и греческого языков, а 50 % придумал сам. Вспомним и термин грамматики «предложный падеж», который придуман Ломоносовым.

— При таком погружении в иностранные языки, наверное, родной архангельский диалект у него не сохранился?

— Сохранился. И более того, диалектные слова у него часто появляются. Вы не поверите: Ломоносов, который никогда не занимался ботаникой и вообще не интересовался этой темой, любил цветы, и в его научных трудах огромное число фитонимов — названий цветов. Он использует их и в «Риторике»: например, «колючим тернием роза румянцу своего защитить не может». Так вот, у него многие названия цветов диалектны. И это не случайно: в Музее Ломоносова, который находится в его родной деревне Мешанинской, мне сказали, что сестра его матери была деревенской травницей.

Диалектные слова у него появляются и в какие-то очень эмоциональные моменты. Вот как он описал гибель профессора Георга Рихмана в грозу во время проведения эксперимента с электричеством. Сидел Михаил Васильевич дома, ел щи — а жил он тогда в большом деревянном доме на 2-й линии, там давали служебные квартиры сотрудникам академии. Вдруг вбегает слуга Рихмана и кричит: «Профессора громом убило!». Ломоносов бежит к Рихману на 5-ю линию и видит там печальную картину: шаровая молния ударила его друга Георга в левое плечо, а от двери оторвало два иверня. А иверень — это диалектное слово, по-нашему щепка.

А когда он поселился в новом доме на Мойке, устроил там домашнюю обсерваторию и однажды открыл наличие атмосферы на Венере. Он увидел, что когда Венера прошла через солнечный диск, то вокруг нее появилось свечение — это лучи солнца преломлялись в атмосфере. И он пишет, что возник пупырь: а это тоже диалект, что-то типа пузырей, которые мы видим, когда сильный дождь бьет по лужам.

— У Ломоносова было много интересных научных занятий. Почему он так серьезно вдруг увлекся языком?

— Потому что он был поэтом, прекрасным, одаренным поэтом. Михаил Ломоносов стал известен прежде всего не как ученый, а как поэт. Да он же вообще российскую поэзию придумал вместе с Александром Петровичем Сумароковым и Василием Кирилловичем Тредиаковским. До них стихи существовали и даже публиковались, но, честно говоря, на поэзию в нашем понимании они были не очень-то похожи.

Ломоносов был изобретателем русской рифмы. И какая-нибудь «любовь — кровь», над которой современные поэты смеются — мол, ха-ха-ха, какая банальность, — в те времена была его открытием. Аналитический ум помогал ему придумывать великолепные, изящные рифмы, даже анаграммные типа «ковры — рвы». А какая прекрасная рифма «держава (российская, конечно!) — слава».

Так что популярность Ломоносову принесла поэзия, а вот его научные штудии мало кого интересовали.

— Их никто не финансировал?

— Деньги на химическую лабораторию дала ему Елизавета Петровна из своих личных средств.

— Потому что он адресовал ей «Оду на день восшествия на престол»?

— Не знаю, но эта ода ей действительно страшно понравилась. Там ведь несколько раз повторяется, что она дочь Петра и наследница его дел, то есть подтверждаются и поэтически закрепляются ее права на престол. Ну а из химических опытов Ломоносова, пожалуй, только изобретение зеленого огня для фейерверков привлекло внимание. Павел I, будучи еще

маленьким, судя по запискам его воспитателя Порошина, говорил, что Ломоносов тратил деньги на всякую ерунду (хотя такие не совсем корректные высказывания, возможно, объяснялись его переходным возрастом). При этом оды Ломоносова, как свидетельствует Порошин, читал с удовольствием.

— Интересно, что в вашем словаре самым популярным словом Ломоносова на букву А оказалась академия — больше 1600 употреблений.

— Это говорит о важности Академии наук в жизни Ломоносова. Между прочим, он первым поставил вопрос о том, что у сотрудников академии должны быть отпуска, которых они не имели, и добился их включения в Табель о рангах: благодаря этому они получили социальную позицию в обществе и пенсию.

— Академическую тему подхватывает даже слово «авторитет» с любопытным высказыванием Ломоносова: «В Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели».

— Профессоры там были довольно вздорные, и одному из них, Винсгейму, как вы, наверное, слышали, Ломоносов однажды даже кукиш показал.

— Он этому Винсгейму вроде бы еще и обещал «поправить зубы», Шумахера обозвал вором, остальных мошенниками. А правда, что его за это арестовали на несколько месяцев?

— Да, и под арестом он написал «Краткое руководство к риторике», потом развил его идеи уже в другой работе — знаменитом «Кратком руководстве к красноречию». Ломоносов же был создателем еще и российской риторики, отлично понимал важность красноречия и художественного слова.

— И был красноречив?

— Он был очень искусный оратор, ответственно к этому относился и даже репетировал свои выступления в соответствии с правилами риторики: куда поворачиваться, какие делать жесты, на кого указывать и прочее. В академии выступали на латыни, а Ломоносов одним из первых начал произносить речи на русском языке. Например, «Слово о пользе химии», очень красивое.

— С академией все понятно, но почему атлас оказался на шестом месте по частоте употребления? С чего вдруг 154 раза прибегал Ломоносов к этому слову?

— Ничего удивительного — с 1758 года Ломоносов заведовал географическим департаментом. Ему поручили подготовить новое издание атласа Российской империи — в предыдущем оказалось много ошибок. К сожалению, новый атлас не успел выйти при жизни Ломоносова, но вклад его в этот научный проект огромный. Он посылал экспедиции для определения точных географических координат, рассылал по всем городам анкеты: местные власти должны были сообщить, сколько у них жителей, чем они занимаются. Он даже преобразовывал географические названия — в Санкт-Петербургской губернии оставалось еще много финских и шведских топонимов.

— Так получилось, что первый том словаря языка Ломоносова начинается с простого союза А, который всем знаком, а заканчивается персонажем из греческой мифологии Аяксом, которого Афина лишила разума за излишнюю жажду власти, но об этом и сейчас-то известно далеко не всем.

— Да, Ломоносов вбросил в русский язык огромное число собственных имен и географических названий. До этого мало кто их знал. То есть он, как гид, провел россиян через античную и западноевропейскую традицию. И это отразилось в словаре.

— Все-таки каких слов в нем больше — архаизмов или тех, которыми мы пользуемся и сегодня?

— Словарь совершенно современный. Немного изменились значения слов, но основной фонд русского языка остается, особенно бытовой.

— Как вы его делаете чисто технически? У вас же маленький отдел. Наверное, какой-нибудь ИИ…

— Под столом сидит? Да нет. Помните, когда Николай I спросил Левшу, как он блоху подковал, что у него, наверное, какой-то особенный мелкоскоп, Левша что ему ответил? «Мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши». Вот у нас тоже глаза пристрелявши. И у нас есть электронный словник, созданный в нашем институте на базе полного академического собрания сочинений Ломоносова в 11 томах. Он, кстати, позволяет достоверно установить, какие слова или словосочетания Ломоносов употреблял, а какие — нет. Ведь существует огромная так называемая окололомоносовская литература, и в ней из книги в книгу кочует такая, знаете, неломоносовская фразеология. Она покрывает Ломоносова какой-то коркой, через которую реального Михаила Васильевича уже и не разглядеть. Вот, скажем, прилипла к нему «благородная упрямка» — так называли одну из черт его характера.

— А что — он не называл?

— Нет, конечно. Или эти злосчастные «врата учености».

— Их у него тоже не было?

— Не было — гарантия сто процентов. Это придумал, я почти точно знаю, Михаил Иванович Веревкин, автор пресловутой «академической» биографии Ломоносова. Он ее написал по распоряжению княгини Дашковой, в ту пору директора Академии наук, когда Ломоносова уже 20 лет не было на свете, да и при его жизни, по моим расчетам, они никогда не встречались. Я ни единому слову там не верю: это собрание каких-то баек, полуправд-полунеправд, мифов и слухов. Михаил Пыляев, знаменитый историк-мемуарист, в своем «Старом Петербурге» говорит о Веревкине коротко: «петербургский краснобай».

— Откуда же взялись эти врата учености?

— Из Европы. Там очень похоже назывались учебники иностранных языков: дверь в латинский язык и так далее. Веревкин просто взял готовую модель и зачем-то приписал ее Ломоносову — будто бы он называл вратами своей учености книги.

— Значит, ваш словарь эту фейковую корку с Ломоносова счищает?

— Мы и затеяли его в том числе для того, чтобы показать живое слово Ломоносова.

— У вас и сам Ломоносов, открывающий словарь, очень живой.

— И даже немножко смущенный. Это работа Федота Шубина из Камероновой галереи Царского Села. Мы специально поместили в словаре этот бюст, потому что Шубин — единственный художник, который реально видел и знал Ломоносова. Он был его дальним родственником из

соседней деревни, его ребенком привезли в Петербург, и Ломоносов им занимался, устроил в Академию художеств, опекал. Видите, у нас и словарь получается живой, с картинками. Иллюстраций достаточно, тем более что и Ломоносов прекрасно рисовал.

— Картина, на которой одухотворенный юноша в заснеженном тулупе идет в Москву, в вашем словаре появится?

— Он там еще прижимает к груди две книги. По легенде, это «Арифметика» Леонтия Магницкого и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Но художник никогда не видел эту «Грамматику» — она огромная, ее и поднять-то было невозможно, не то что идти с ней пешком из Архангельской губернии в Москву. Кстати, об этом славном походе мы знаем только от того же Веревкина.

— То, что постигать науки Ломоносов шел пешком, по-вашему, тоже легенда?

— Сам Михаил Васильевич нигде про это никогда ничего не сказал. Материалы «Словаря языка Ломоносова» этот факт его биографии не подтверждают.

— Эти материалы еще предстоит оценить по достоинству. Пока есть только первый том.

— Да. И надо сказать, что книга вышла в свет благодаря помощи дирекции Института лингвистических исследований Российской академии наук и руководства Санкт-Петербургского отделения РАН.

Источник: spbvedomosti.ru